Катикова, А. Кругом песок, жара, бархан… Так в жизнь вошел Афганистан… / А. Катикова // Дняпроўская праўда (Дуброўна). — 2012. — 15 лют. — С. 3.

КРУГОМ ПЕСОК, ЖАРА, БАРХАН… ТАК В ЖИЗНЬ ВОШЕЛ АФГАНИСТАН…

Афганистан... Безжалостно и неумолимо ворвался он в жизнь советских солдат и их семей... Уже более 20 лет воспоминания о той кровоточат незаживающими ранами на сердце. Пусть говорят, что время лечит, но эта боль ему неподвластна.

15 февраля – День памяти воинов-интернационалистов Он был установлен Указом Президента Республики Беларусь № 57 от 13 февраля 1995 года. Именно 15 февраля 1989 года в 16 часов 21 минуту завершился вывод военнослужащих Ограниченного контингента Советских войск из Афганистана... Закончилась афганская война, длившаяся с 25 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года. Ежегодно в этот день собираются ветераны для почтения памяти тех, кому было уготовано судьбой не вернуться из боя.

В преддверии Дня памяти наши земляки Леонид Владимирович Минкевич и Николай Владимирович Мохначев, которых жизненная дорога провела через песчаные барханы Афгана, поделились снами воспоминаниями своих военных лет.

На службу молодые солдаты попали в один год и, можно сказать, начало армейских будней у них было схожим.

Леониду было всего 17, когда 30 марта 1981 года его призвали в армию от Витебского горвоенкомата. Николай же был на 2 года старше: на тот момент, когда его забирали на службу – 10 ноября 1981 года, – ему было 19 лет и он уже успел окончить учебу в Оршанском педучилище.

Дальше, как по шаблону (правда, разное время): оба попали в военную часть в Марьину Горку, тут незаметно для новобранцев прошли две недели «карантина».

– Эти дни можно смело назвать самыми беззаботными в нашей службе,–вспоминает Леонид Владимирович. – А затем мы получили обмундирование. Нам выдали кожаные ремни, а это явный признак того, что служить придется за пределами Советского Союза, но где именно, никто, естественно, не сказал.

– Помню, как проходил наш отбор в воинской части, – дополняет своего товарища Николай Владимирович. – Нас построили на плацу и спросили, есть ли желающие служить в пожарной части в Москве. Таковых, естественно, не оказалось: как это пойти в армию и быть пожарным?! На тот момент это считалось нелепым. Тогда 10 папок с личными делами солдат были отобраны наугад, эти ребята и стали «добровольцами», которые отправились в «пожарку».

Сегодня сложно судить, кому из ребят на плацу повезло больше: тем, которые получили кожаные ремни, или тем, кто был направлен на службу в пожарную часть Москвы...

– Нас человек 800 посадили в поезд, – продолжает рассказ Леонид Владимирович. – Куда и зачем едем, оставалось только догадываться. Трое суток в пути – и вот мы в городе Термез Узбекской ССР, на самой границе с Афганистаном. И даже по прибытию в Термез мы не знали и нам никто не сказал, что мы попали на войну. А солдату какая разница – у него приказ и военная присяга!

В Термезе я находился 3 месяца, проходил курсы радиотелеграфиста.

– Нашу роту ждала такая же участь: поезд Минск – Москва, а оттуда на самолете до Ашхабада. Правда, вот ремней кожаных нам не хватило, – улыбается Николай Владимирович. – В учебном подразделении в Ашхабаде прошли несколько следующих месяцев службы, тут получил специальность механика-водителя БМП. А 27 апреля в 3 часа ночи по местному времени меня и всех остальных ребят посадили в самолет до аэродрома Кандагар, в 30 километрах от пакистанской границы.

И сегодня вспоминаю этот наш перелет, – с улыбкой на лице продолжает свой рассказ Николай Владимирович. – Мы летели на самолете – гражданском! Нас даже стюардессы обслуживали! Весь путь, конечно, не припомнишь: большую часть времени мы спали, ведь для солдата сон – это главное.

– То была «учебка» – спокойное время, – подхватывает рассказ Леонид Владимирович. – А вот уже спустя три месяца учебы, 15 июня, на вертолете Ми-6 нас перебросили в Кундуз. Там собрались представители разных воинских частей. Всех нас, военнослужащих, выстроили на плацу и начали производить отбор.

Так я попал в мотострелковый полк в роту связи, которая располагалась между Пули-Хумри и Кундузом. Да, именно здесь и проходила моя служба...

– Да и нас далеко занесло, – делится своими воспоминаниями Николай Владимирович. – С аэродрома мы с ребятами, человек 40 со всех уголков Советского Союза, были направлены в воинскую часть, которая располагалась между Кандагаром и пакистанской границей, представляете, прямо посреди пустыни!

– Да, там вообще сплошная пустота. – подхватывает его собеседник. – Кругом одна пустыня, ни домов, ни дорог, лишь в некоторых местах выложено камнями жалкое их подобие. Стою и думаю: куда я попал?! А со временем ничего – освоился. Человек хитро устроен: ко всему приспосабливается.

– Так и есть, – соглашается Николай Владимирович. – Первое, что бросилось мне в глаза, когда мы вышли из самолета, это наша разгромленная техника, которая была раскидана по всему аэродрому. Беспорядок и запущенность...

Конечно, удивил и климат: уже в апреле, когда мы прибыли туда, стояла дикая жара – +40 ^{o}С, правда, в тех краях такая высокая температура легче переносилась из-за низкой влажности воздуха.

Летом и того жарче было, можно было яйца вкрутую в песке сварить, а осенью «афганец» – ветер такой – давал нам чесу!.. Но никто не сетовал на неудобства – приказ выполняли!

Сразу с аэродрома нас выстроили на плацу, даже оглядеться толком не дали. Тот же отбор, что и у Лёни – и стал я старшим стрелком десантно-штурмовой роты, несмотря на то, что специальность получал другую. Из наших ребят вообще никто водителями-механиками не стал, так как БМП была одна единственная в разведроте, а там уже был свой человек.

«Переквалифицировали» в один момент, а на следующий же день отправили в пустыню на учебную стрельбу из автомата, ручного гранатомета «Муха» и метание ручных наступательных гранат РГД-5.

Сейчас кажется, что события развивались молниеносно. – продолжает Николай Владимирович. – Уже 1 мая мы шли на свою первую боевую операцию по блокированию

населенного пункта. Длилась она три дня... Перед нами была поставлена четкая цель – не пропускать через расположение роты прорыва противника.

– Согласен, если судить по рассказу, то эти два года службы можно описать за десять минут, но на тот момент нам казалось, что время остановилось, как все живое замерло в той пустыне... – дополняет Леонид Владимирович. – Первые полгода, после того, как попали в роту, никуда не привлекались, ни в бои, ни на охрану. Только спустя шесть месяцев нас поставили на точку охранения дороги и трубопровода, а когда прошел год службы, начали отправлять на боевые операции.

Все мы, молодые мальчишки, именно этого и ждали. Не сиделось нам на месте, кипела кровь. Спесь... И вот он – первый бой! Обстрел с пулеметов, а ты уверенно идешь вперед, даже не осознавая того, что в тебя могут попасть, просто твердо выполняешь данный тебе приказ.

– Солдат – человек подневольный, – подтверждает слова товарища Николай Владимирович, – куда его направили, туда он и идет, сказали стрелять – стреляет, скомандовали лежать – лежит.

Да, обязанности, что у нас в роте, что у Лени, были одинаковые: какое там разнообразие может быть на войне? Принимали участие на охранении дороги, сопровождали колонны, отправляли нас в пустыню на захват караванов, которые перевозили оружие, боеприпасы, военное снаряжение, предназначенное для душманов – афганских моджахедов.

Это не простая война – партизанская; здесь нет никакой стратегии, четких и конкретных планов, продуманных действий – здесь сплошной эффект неожиданности. Враг досконально знает свою территорию, а мы – ничего, брошены в никуда на произвол судьбы.

Запомнился, случай. Поступила задача выбить противника с «высотки» (т.е. на горе). Мы с тяжелым обмундированием взбираемся в гору в тот момент, когда противник ведет обстрел из укрытий.

В помощь нам были даны «вертушки» (боевые вертолеты), но и это не дало нам возможности быстро выбить душманов, ведь они при хорошем знании местности были надежно замаскированы и, в отличие от нас, стреляли сверху вниз. Но когда все-таки мы оказались на вершине горы, то обнаружили, как противник уже у подножия спокойно удаляется восвояси.

Еще был случай в Кандагаре, – продолжает Николай Владимирович. – Там находились гранатовые сады, как мы их называли, «зеленки». Это было отличное поле боя: сплошные укрытия, только успеваешь следить, откуда пули свистят. Наша рота делала прическу в этих «зеленках» и зашла в «букву П» – то есть попала под трехсторонний обстрел. Душманы, сидевшие в укрытиях, резко дали запал с трех сторон. Как правило, сразу старались выбить «голову», значит, офицерский состав, тех людей, которые вели солдат в бой. Так, буквально с первыми выстрелами были выведены наши медработник, артиллеристский наводчик и авиационный наводчик – все офицеры, которые находились на связи со штабом.

– А душманы были меткими снайперами, – подхватывает рассказ товарища Леонид Владимирович. – Если рядом свистнуло, то, так и знай, с этого места лучше деру давать. Они – стрелки меткие, второй раз уже не промахнутся. Эти люди ружье с детских лет в руках держат, им оружие как подарок на день рождения дарят.

Помню, как однажды к нам с товарищем дед с внуком подошли. Мальчишка лет 6-ти продемонстрировал свои снайперские способности так, что мы диву дались!

Правильно сказал Николай Владимирович, это была «неожиданная» война. Неожиданно вошла она в судьбы наших солдат, молодых ребят, чья жизнь еще только начиналась... Только вот кому она потребовалась, над этим и по сей день ведутся споры...

– Кому была нужна война? – перехватывает мой вопрос Леонид Владимирович. – Знали одно: если бы не вошли наши, вошли бы американцы... А это уже угроза южным границам.

– Нам дан был приказ, а солдатское дело плевое – выполнять его, – вступает в беседу Николай Владимирович. – Сейчас говорят, что война была чужая... Может быть, и чужая, но сколько родного в ней было найдено, наверное, столько же родного и близкого сердцу в ней было оставлено...

К сожалению, после службы связь с боевыми товарищами оборвалась. Но по сей день я помню ребят из своей роты, мои хорошие друзья Сергей Табальчук, родом из Минской области, и Анатолий Панько из Брестской области. Вместе с ними начинали службу, вместе прошли весь боевой путь, вот только, жалко, демобилизовались в разное время. Наверное, потому и потеряли друг друга быстро...

– И я своих друзей-однополчан порастерял, – соглашается Леонид Владимирович. – Тетрадь с адресами пропала. А сейчас бы с удовольствием встретился бы с ними, поговорил за жизнь...

Помню, каким радостным, хоть и долгим – целых 10 дней – был путь домой. 10 мая 1983 года я уволился, а 19 уже был дома. Вот, казалось бы, и вся служба, как и говорил выше, на словах превратилась в мимолетный отрезок жизни...

– Я демобилизовался в том же году, что и Лёня, – говорит Николай Владимирович. – 27 октября 1983 года из Кандагара на грузовом самолете Ил-76 добрался до Ташкента. Нам выдавали бесплатные проездные билеты на поезд, и я с доплатой обменял его на авиационный билет до Минска, потому мой путь домой не был таким долгим. На следующий день я уже был в родных краях.

Знаете, самым приятным было увидеть лес! Хотя на дворе и стоял холодный октябрь, но в воздухе чувствовалась жизнь, родная живая природа! Там ведь за два лета ни одного дождя не было, а здесь, как ребенок, радовался осенней слякоти и холоду... – заканчивает свой рассказ собеседник.

Афганистан... События тех лет не уместить в рассказы, не передать воспоминаниями. Кому-то их пришлось пережить, нам же остается помнить...

Немало воды утекло с того времени, как отгремел последний афганский залп. Засыпало песком раны той земли, но раны участников и очевидцев тех событий кровоточат поныне, ибо память войны жива и стереть ее не подвластно ни песчаным ветрам, ни годам, ни километрам...

Вглубь истории уходит война в Афганистане... Она стала последней войной для белорусских воинов и их матерей. И дай Бог. чтобы она последней и оставалась...

А. Катикова